

Письма врагов и к врагам.

Прежде мной — груда испанских, английских бумаг, греческих, немецких, часть изорванных. Многие, даже большие части испачканы кровью, оставившей красно-бурые подтеки по стопам или залившую всю страницу. Это — немецкое письмо, и само пособирать на полях битвы, сквозь тяжелых пленцев.

Сначала я не решался приносить себе эти листки. Мне казалось, что я обраю мертвых, совершаю постыдок, близкий к мародерству. Нодумаю, и взмылью свою мятко. Считатели уже побывали на тяжелых сражениях, на которых попадал я. Все больше главное было уже собрано и унесено: винтовки, шапки, чопоты, каски, ранцы, а также, конечно, и заслуживающие внимания докуметы. Осталось только то, что никому не нужно. Частные письма были брошены, как бесполезный хлам; лишь все равно предстоит лишились поддождем и снегом, в грязи и слякоти. Подобная эта месть, и никакого не лишать его собственности; то был гес мийс, которую ворочают и всегда готовы вернуть по принадлежности.

Пока, разобравший собранный мною материал, я хочу познакомить с ними читателей. «Письма врагов» почти так же важно, как и «посыпал самого себя». А каким путем можно мылучше узнать немецкого солдата, — среднего, обыкновенного солдата, — каким по случайным письмам, которых они сами пишут своим близким в это блокаде пишут ему, никак не думая, что написанное станет общим достоянием? Сквозь эти письма видна немецкая душа и немецкая жизнь наших дней без всякой утайки в без всяких прикрас. Думаю, что это именно письма врагов и врагам представляются несомненный интерес. Оговорюсь только, что мое собрание на настоящий момент слу-

чайно (я брал то, что попадалось под руку ми, и не просил других собирать для меня письма) и что, приведя отрывки из писем со всей возможной точностью (из переводов), я не说我 себя я прав, называть подлинными имена (фамилии): хотя мало кто из друзей попадает на глаза немецким читателям, все же моя казалась неуместными оглашать страну (das ist eine sehr schlechte Sache!). Такъ отразились в письме

трудности похода в осеннем распутице, по опущенной местности. Почти во всех открытках говорится, что их автор прибыл с западного фронта. «Ганзейцы мы были в Бельгии, около Люттиха и Намюра», — продолжает письмо к Д. «Мы являемся из Франции, сюда, о чём я весьма жалуюсь», — пишет другой. Есть и похвальба. «Тамъ в России», — сообщает один солдат, — мы имели четырехдневный бой, однако победы не добились. Одна ко эта похвальба, — единственная среди всех моих писем, затмив солдата, — усердно просить прислать имъ чего-либо съестного, табака и теплых вещей. Или, что во всех этом германской армии чувствительно нуждается.

Гораздо содержательнее письма к солдатам, что и понятно: они пишут на досуге. Ихъ можно раздѣлить на два рода: письма друзей и письма жен. Если первые довольно многочисленны, то письма жен — единственные посланы на шести мелко письменных странах, — полны съѣдѣния о современной немецкой жизни. Жалуются на свою лицуху, нигилистичную горести, женщины, сами того не жалуются, вскрывают лицу Германии. Бросимъ началь взглядъ на дружеское письмо. «Мой милый Ф., — пишет кто-то изъ Берлина, — вчера я получила твою открытку, изъ которой узнала, что тобою еще не получена отправленная мной тобѣ посылка. Но теперь часто жалуются, что посылки изъ армии не доставляютъ своей цели. Въ подобныхъ я былъ ей *** изъ вонзать. Мы пришли какъ-разъ въ то время, когда прибылъ поездъ съ пачками французами, направляемыми въ Шпанду. Было очень любопытно на

всехъ посмотретьъ. Пришли миѣ интересные открытки изъ местностей, где идетъ война... Эта открытка — характерное письмо «сердца» берлинского «бомбардира». Подобно вѣльмъ онъ жалуется на неаккуратность почты, подобно вѣльмъ съ наслаждениемъ глядѣть на плененныхъ враговъ, а желаятъ его не идти дальше «интересныхъ» открытокъ изъ такой азиатической страны, какъ Россія.

Другая открытка изъ Берлина пишетъ женской рукой, но принадлежитъ также къ числу «дружескихъ», такъ какъ пишущая посыпала «конжонъ отъ своего мужа». Постъ обычныхъ привѣтствий и извинений, что ею отправлено «тра посыпки», причемъ она проситъ «принять эту мею какъ знакъ того, что берлинцы о васъ (о солдатахъ) помнятъ», пишущая продолжаетъ: «Бѣть вѣс вѣвѣтъ скончай», вѣс мы здорово, если время тебѣ позволяетъ, напиши памъ, во, глязовъ, яе допускайтъ къ намъ изъ одного русскаго (Lessen sie keinen Russen zu schenken). Заканчиваетъ открытка осторожнымъ вопросомъ: «Сообщи, какая программа играется въ вашемъ кинематографѣ, — т. е. раскрывая намекъ, какъ идутъ дѣла въ войнѣ. Въ этомъ письме уже чувствуется смутное беспокойство берлинцевъ, боящихся наступления русской армии на Берлинъ.

Еще болѣе гравюрированное письмо, тоже изъ Берлина, подписанное бумкой Р. «Дѣсь ходятъ разные неѣные слухи, — пишетъ этотъ Р., — иожаудѣютъ, разуѣбѣтъ вѣхъ и скажи, что съ такой арміей, какъ наша, памъ нечего бояться. Особенно напуганъ твой отецъ, который убѣряетъ, что даже въ Берлинѣ мы не въ полной безопасности. Старикъ это простите, но, когда то же говорятъ молодые, это мешаетъ выводить изъ себя». Даѣе съдѣдуютъ сообщенія о родственникахъ и знакомыхъ, вернувшихся ранеными изъ театра войны. Письмо миѣ досталось безъ конверта и, можетъ-быть, было послано не по почтѣ, а «съ доказательствомъ». Возможно, что авторъ его и подписанъ лишь одной буквой — изъ осторожности.

Изъ Гергия III, покровительствующемъ, но есть пеприкрашенная правда жизни, откроется солдата, который, повидимому, вынужденъ, что ему собственно получать такіе дорогие посыпи. «Если въ чѣмъ-нибудь нуждаешься, — пишетъ III., — въ табакѣ, сигарахъ или новой лодзіи, — кстати, какъ обстоитъ съ имѣніемъ? — то убѣдительно прошу васъ немедленно намъ сообщить. Столкнуто всегда у насъ находитъ, особенно для нашихъ бѣдныхъ воиновъ, которые за насъ мерзнутъ и голодаютъ. Итакъ, напиши лучше приѣхѣти и до рождества съ даниемъ Твой другъ Августъ». Судя по всѣмъ «Donnerwetter», и отъ этого Августъ разно сомнѣвалъся въ измѣненныхъ успѣхахъ и въ способностяхъ германской молодежи, и только измѣнение о фантastической побѣдѣ подъ Мецомъ привело его въ столь воинственное расположение духа, что онъ пересталъ даже «замѣчать» войну.

Вѣс письма наполнены сообщеніями объ отправкѣ разныхъ посылокъ, съ съѣстными, съ сигарами, съ теплымъ бѣльемъ. Притомъ также изъ всѣхъ писемъ видно, что посыпки эти доходятъ до солдата крайне неаккуратно. «Мыльный брѣтъ», — говоритъ одна открытка изъ Берлина, — памъ, безконечно жаль, что ты еще не получила нашихъ посыпокъ съ Юзафомъ и вѣтчиной. Мы думали, что ты съ друзьями все давно съѣѣшь. Можетъ-быть, скоро получишь одну такую посыпку отъ насъ. Будь теперь весна, а не зима, было бы для насъ гораздо лучше... Что кажется пригрозы войны, ты можешь постоянно доставлять ею памъ; будь все приведено въ порядокъ. Но я надѣюсь, что этой войнѣ скоро наступитъ конецъ. Какъ ты письми, мы не можемъ болѣе употреблять свое бѣлье. Откуда же въ такихъ случаяхъ вы получаете съѣѣшь? Присыпайте памъ, откуда-нибудь? Или вы шагаете изъ костюмъ Адама?.. Съ этимъ письмомъ посыпки тебѣ панисиру: она, кѣжется, неуприимчива. Можетъ-быть, замѣтите, что я надѣюсь, что вы будете курить. До синѣтии, какъ я надѣюсь, не очень дешево.

Наиболѣе интересными однако остаются въ мое собраніе письма жень къ музыке. Извѣстно, какъ долго стало у насъ мозгъ съ тѣхъ поръ, какъ король забралъ. Другая жалуется, что квартирантъ хозяйки приводитъ ее въ вѣтчины изъ Берлина и другихъ немецкихъ городовъ. Письма, исказиція передо мной, дѣлаютъ эти извѣстія очень вѣроятными.

Вотъ въ письмѣ, отправленномъ, нѣнко, изъ деревни (конвертъ не сохранился), жена пишетъ мужу, что нихъ синѣ, наелѣнъ Фріцъ, уже дѣвь недѣль какъ боленъ, такъ какъ немѣлъ достать для него молока. «Ты не представляешь, какъ дорого стало у насъ молоко съ тѣхъ поръ, какъ король забралъ». Другая жалуется, что квартирантъ хозяйки приводитъ ее въ вѣтчины изъ Берлина и какъ-нибудь изъ нихъ синѣ, наелѣнъ Фріцъ, уже дѣвь недѣль какъ боленъ, такъ какъ немѣлъ достать для него молока. «Ты не представляешь, какъ дорого стало у насъ молоко съ тѣхъ поръ, какъ король забралъ».

ицами. «Думаю, — сообщает бывшая женщина, — перехватить к бабушке. Но, там сама знаешь, есть ли там место? Не представляю, как мы устроимся там съхтыми! Еще одна подробно высчитывает свои расходы в долги; все проще рвать идти о суммах в 1½—2 марки, но пишущая усердно извиняется, что тратит так много. «Я понимаю, — говорит она, — что теперь надо жить скромнее, моя мать мне уверяет то же, но я не умею сократить нужды».

Я не буду приводить однообразные выдержки из ряда таких писем. Ограничусь одной серой письмом, в которой как бы сияют все характеристики черты других. Это — письма из Берлина к своему Георгу Г., который, очевидно, гнездился в Берлине, берег и не разставался с ними. Автор письма подписывается своим именем. Фрида, та размытыми застывшими прописями: «Твои мамочки», «Твоя кончика» и т. д. Мир жаль, что сейчас не время и да у них стоят на постели привести эти письма целиком. Кромь интереса любопытства, как письма к врачу, они представляют и юридический интерес, как «западный документ» исключительной ценности. Такая лесная и красивая душа женщины выступает из этих писем, что, перечитывая их, можно вынести только чувство глубокой симпатии к их автору (жене нашего «врага», убитого на нашем поле), — и это да послужит милю оправданием, если я процитирую несколько строк, чтобы то требовалось для характеристики современной немецкой жизни..

Всех писем у меня 10. Пропускаю менее значительные «открыточки», я принесу выдержки из крупных в хронологическом порядке. Каждый-либо комментарий к этим письмам милю кажутся излишними: они сами говорят за себя.

«Берлин, 23, IX, 1914. Мой глубоко-любимый Георг! Твое милое письмо, открытки и 20 марок я получила, за что тысяча сердечных благодарностей. Ах, сердце мое! Как я была счастлива, снова услышав от тебя, что ты невредим и здоров. Я тоже здорова, и втыхахах — всегда с тобой; но моя любовь к тебе и я, мое сердце! Мое единственное счастье! Все так же мерто вскруж мозги, и так же! Представь себе, мой милый, это долго должна быть совершение одна. Счастие... блаженные часы, когда мы это слишком тяжело для любящего опять быть вместе... Меня очень сердца. Слишком я сима к тебе и тревожусь, что ты не получишь

сейчас же послать тебе моих посылок; 21-го я отправила письмо.. Особой нужды я не испытываю, ты об этом не беспокоися. И тоби третью, — это съестными. Что тебе окажется неожиданно из шерстяных вещей, призови с собой обратно, потому что сообщение (с армии) плохое, а по, но, надеюсь, тебе все придется.. Постоянной работы я все еще не получила изменился. Я писала тебе уже много писем и думаю, что ты получишь хотя бы половину их.. Ах, мое сердце! С какой немыслимой любовью думаю я о тебе! Как я тяжело для тебя быть разлученными.. Часто милю кажется, что это вынести нельзя, такая тоска у меня на душу! Но вынести это надо. Съ теплее времени становишься твердой и сплошной. Итак, мой любимый, не тревожься за меня. Господь Богъ не покинет. Всегда дашь, чтобы ты помагала, то здесь, потому что работы вообще почти пять в Берлине. Извиняюсь, что будущий милю окажется удачлив.. Денег из сберегательной кассы я еще не прогада, а из тых, что получила от матери, даю ежемесячно 5 марок Краузе, так как я не забывай меня, помни, что на родине тоскуешь по тебе любящим.. Денег из квартиры на войне.. Ах, многое плачается и теперь и многих людей учили с неожиданной стороны. Так, я узнала об изнуряющей стороны. Так, я узнала, что г-жа Г. — также личность личная. Эти дни страданий, и горестей, погасают, какими люди, многих женщин сильнее, больше опытными. Их не смотрят теперь другими глазами. Но я, мой возлюбленный, не беззаботна за меня: я не могу забыть тобъ в письме; как бы облегчить дыха, и должна буду ободрить тебя честно. Есть женщины, которые получают очень много, а другая — совсем ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они милю дают».

(Листок без числа). «...Съ квартирной хозяйкой я должна быть в хороших отношениях, потому что съ такими личностями ничего не добиться. Моя душевная любовь и Божье благословение всегда будут с тобой и послужат за твой чрезвычайную опасность, чтобы ты могла блаженно вернуться к нам.. Если это тебе возможно, радость моя, пиши милю часто по нескольку строк, хотя бы было лишь одно слово, что ты здоров; и если съ тобой что-нибудь случится, тоже дай знать сейчас же и не дай никаких либо неожиданных вещей. Я буду сильной и твердой; ведь я еще молодая. Для нас обоих еще есть будущее. Только бы ты, мой милый Георг, был жив и опять со мной.. Потому что твоя смерть будет также и моей».

«Берлин, 23-го, X, 1914. Мой глубоко-любимый Георг! Твое милое письмо, открытки и 20 марок я получила, за что тысяча сердечных благодарностей. Ах, сердце мое! Как я была счастлива, снова услышав от тебя, что ты невредим и здоров. Я тоже здорова, и втыхахах — всегда с тобой; но моя любовь к тебе и я, мое сердце! Мое единственное счастье!

А у меня скоро будет новая почта: бабушка очень плоха. Каждый день можно ожидать конца. Врач потерял великую надежду»..

(Листок без числа). «...Съ квартирной хозяйкой у меня опять быть разговор. Завязнувшись (чиновники из министерства?) сказали милю, что она обижена съединением съ мной, потому что весь мир съединяется съ Польшей. Несмотря на то, что положение писавшей, какая кажется, действительно не легкое, и несмотря на возвышенность слова, разбрасываемые въ ее разсужденях, пись-

муте будет, что будет. Не надо склонять голову, надо быть разумной! Если хозяинка прилечь меня въ суть, ей нужно въ поисках работы. Я должна что-нибудь зарабатывать, чтобы не дѣлать долгов. У меня еще есть деньги, и я их берегу, чтобы тебе, когда ты вернешься, не пришлось тогачас работать.. Только не забывай меня, помни, что на родине тоскуешь по тебе любящим.. Денег из квартиры на войне.. Ах, многое плачается и теперь и многих людей учили с неожиданной стороны. Так, я узнала об изнуряющей стороны. Так, я узнала, что г-жа Г. — также личность личная. Эти дни страданий, и горестей, погасают, какими люди, многих женщин сильнее, больше опытными. Их не смотрят теперь другими глазами. Но я, мой возлюбленный, не беззаботна за меня: я не могу забыть тобъ в письме; как бы облегчить дыха, и должна буду ободрить тебя честно. Есть женщины, которые получают очень много, а другая — совсем ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они милю дают».

(Листок без числа). «...Съ квартирной хозяйкой я должна быть в хороших отношениях, потому что съ такими личностями ничего не добиться. Моя душевная любовь и Божье благословение всегда будут с тобой и послужат за твой чрезвычайную опасность, чтобы ты могла блаженно вернуться к нам.. Если это тебе возможно, радость моя, пиши милю часто по нескольку строк, хотя бы было лишь одно слово, что ты здоров; и если съ тобой что-нибудь случится, тоже дай знать сейчас же и не дай никаких либо неожиданных вещей. Я буду сильной и твердой; ведь я еще молодая. Для нас обоих еще есть будущее. Только бы ты, мой милый Георг, был жив и опять со мной.. Потому что твоя смерть будет также и моей».

Можетъ быть, это было послѣднее письмо Фриды, полученнное ею «дальнесто-любимым Георгом». Не дождется она на Рожество того, кто нашесть свою монту на събіжнем полѣ Ловицемъ, во «французской странѣ». Несмотря на это письма любящей женщины, первоначально хотевшей, во имя ея, сказать: «Миръ твоему практу, единъ изъ нашихъ «враговъ»..

Но, чтобы не оставлять читателя под грустными впечатлениями, я оберегаю заключенія, «roug la voie bouscues», еще одно письмо, тоже — отъ жены къ мужу. Написано оно по очень грамотно, повиновому, простой женской, крестьянской, такъ какъ въ письме поминаются полевые работы, изъ мѣстности, смежной съ Польшей. Несмотря на то, что положение писавшей, какая кажется, действительно не легкое, и мои права признаны. Самое большое, что я могу дать ей, это 10 марокъ. Если она не соглашается

на это, будет, что будет. Не надо склонять голову, надо быть разумной! Если хозяинка прилечь меня въ суть, ей нужно въ поисках работы. Я должна что-нибудь зарабатывать, чтобы не дѣлать долгов. У меня еще есть деньги, и я их берегу, чтобы тебе, когда ты вернешься, не пришлось тогачас работать.. Только не забывай меня, помни, что на родине тоскуешь по тебе любящим.. Денег из квартиры на войне.. Ах, многое плачается и теперь и многих людей учили с неожиданной стороны. Так, я узнала об изнуряющей стороны. Так, я узнала, что г-жа Г. — также личность личная. Эти дни страданий, и горестей, погасают, какими люди, многих женщин сильнее, больше опытными. Их не смотрят теперь другими глазами. Но я, мой возлюбленный, не беззаботна за меня: я не могу забыть тобъ в письме; как бы облегчить дыха, и должна буду ободрить тебя честно. Есть женщины, которые получают очень много, а другая — совсем ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они милю дают».

Къ письму съзывана панина принесла: «Помнишь (?)». 9, VIII, 1914. Милый мужъ! Я тебъ все помню и была очень рада увидеть отъ тебъ, что ты пока еще переселился въ чистъ жилья. Благодаря милости Божией, я иди въ такие здѣсь. Германскіе тоски не покидаютъ меня. Такъ, я узнала съ неожиданной стороны. Такъ, я узнала, что г-жа Г. — также личность личная. Эти дни страданий, и горестей, погасают, какими люди, многих женщин сильнее, больше опытными. Их не смотрят теперь другими глазами. Но я, мой возлюбленный, не беззаботна за меня: я не могу забыть тобъ в письме; как бы облегчить дыха, и должна буду ободрить тебя честно. Есть женщины, которые получают очень много, а другая — совсѣм ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они милю дают».

...Таковы эти письма, написанные къ тому, къ какъ больше быть въ живыхъ, письма къ напиши врагамъ. Житейскія мечоты, которыми извещены эти письма, выываютъ историю красноношущихъ великихъ событий. Мы видимъ изъ этихъ писемъ, что писавшего живется измѣнному съмуту и невеселому его женѣ, оставшемъ дома. Солдаты теряютъ отъ головы, отъ коленъ, отъ недостатка тѣлакъ; ихъ жены мучительно борются съ нуждой, ибо умираютъ смертью героя. Добрый Богъ не покинетъ мони и дѣтей, если мы еще останемся въ жизни. Ты же не герой мужества, но добрый Богъ всемъ важенъ въ собранныхъ мною письмахъ. Какъ ни слушай и какъ ни мало мое собрание, все же разъясняетъ это поразительно, что изъ 60-ти писемъ не оказалось ни одного, которое было бы полно эпизодизма, великихъ наслаждений, вѣрь въ национальное будущее? Толькъ въ письмахъ берлинскихъ и, пожалуй, въ письмахъ Гайдергофа домой. Глядя явились въ субботу, послѣ обѣда, одѣтый какъ солдатъ, по сего пакъ, рано утромъ, уѣхать; онъ стоять пѣть Гайдергофъ, на польской границѣ.. Ну, мой милый мужъ, я болѣе не знаю ничего нового, но ты можешь себѣ представить, въ какомъ ужасѣ мы жили въ живемъ. Мы должны продолжать работать. Рожь и пшеницу мы посѣваемъ; твои лопаты вернулись; почтальонъ

и производитъ висячательные дѣлки на трапезическое. Грубо не запомѣрѣтъ непрѣпятствъ всѣхъ громкихъ воскликнаній и увѣреній этого своеобразного посланія, въ которомъ призываю сочтаться измѣнѣй протестантской пѣтизмъ съ панѣмской престонарода практикой постыдно. Вотъ напибоге характерными мѣста этого длиннаго письма:

«Помнишь (?)». 9, VIII, 1914. Милый мужъ! Я тебъ все помню и была очень рада увидеть отъ тебъ, что ты пока еще переселился въ чистъ жилья. Благодаря милости Божией, я иди въ такие здѣсь. Германскіе тоски не покидаютъ меня. Такъ, я узнала съ неожиданной стороны. Такъ, я узнала, что г-жа Г. — также личность личная. Эти дни страданий, и горестей, погасают, какими люди, многих женщин сильнее, больше опытными. Их не смотрят теперь другими глазами. Но я, мой возлюбленный, не беззаботна за меня: я не могу забыть тобъ в письме; как бы облегчить дыха, и должна буду ободрить тебя честно. Есть женщины, которые получают очень много, а другая — совсѣм ничего. Я теперь получаю 24 марки ежемесячно: это — все, что они милю дают».

...Таковы эти письма, написанные къ тому, къ какъ больше быть въ живыхъ, письма къ напиши врагамъ. Житейскія мечоты, которыми извещены эти письма, выываютъ историю красноношущихъ великихъ событий. Мы видимъ изъ этихъ писемъ, что писавшего живется измѣнному съмуту и невеселому его женѣ, оставшемъ дома. Солдаты теряютъ отъ головы, отъ коленъ, отъ недостатка тѣлакъ; ихъ жены мучительно борются съ нуждой, ибо умираютъ смертью героя. Добрый Богъ не покинетъ мони и дѣтей, если мы еще останемся въ жизни. Ты же не герой мужества, но добрый Богъ всемъ важенъ въ собранныхъ мною письмахъ. Какъ ни слушай и какъ ни мало мое собрание, все же разъясняетъ это поразительно, что изъ 60-ти писемъ не оказалось ни одного, которое было бы полно эпизодизма, великихъ наслаждений, вѣрь въ национальное будущее? Толькъ въ письмахъ берлинскихъ и, пожалуй, въ письмахъ Гайдергофа домой. Глядя явились въ субботу, послѣ обѣда, одѣтый какъ солдатъ, по сего пакъ, рано утромъ, уѣхать; онъ стоять пѣть Гайдергофъ, на польской границѣ.. Ну, мой милый мужъ, я болѣе не знаю ничего нового, но ты можешь себѣ представить, въ какомъ ужасѣ мы жили въ живемъ. Мы должны продолжать работать. Рожь и пшеницу мы посѣваемъ; твои лопаты вернулись; почтальонъ

Валерий Брюсовъ.